

1. *Kant I.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964.
2. *Kant I.* Критика чистого разума. 1-е изд. (А), 1781 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 2. М., 2006.
3. *Kant I.* Критика чистого разума. 2-е изд. (В), 1787 // Там же. Т. 2, ч. 1. М., 2006.
4. *Kant I.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft // Heidegger M. GA. Bd. 25. Frankfurt a/M., 1987.
6. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Hua III/I. Den Haag, 1976.
7. *Strawson P. F.* The bounds of sense. L. ; N. Y., 1966.

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2018 г.

УДК 929 Карамзин + 165.613 + 140.8 + 94(470)“17/18” +
+ 94(44)“17/18”

Б. В. Емельянов

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН В КРУГУ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

В статье рассмотрена интеллектуальная биография русского историка Н. М. Карамзина (1766–1826), формирование его философских представлений о человеке, мире, истории. Важным этапом творчества был московский период дружеских контактов с Н. И. Новиковым, участие в его просветительских проектах, отношения с масонами и постепенное разочарование в их мистицизме.

На формирование философских представлений Н. М. Карамзина большое влияние оказало европейское путешествие историка, его встречи и беседы с И. Кантом, Ш. Бонне, К. М. Виландом, И. Г. Гердером, о которых он написал в своих «Письмах русского путешественника». Несколько философских статей Н. М. Карамзин опубликовал в своих журналах «Вестник Европы», «Московский журнал», в альманахе «Аглая». Итогом философского осмысления судеб России является его 12-томная «История государства Российского», а также записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении».

Ключевые слова: философия, история, человек, общество, Россия, Франция, Карамзин, Кант, Лафатер.

Имя Н. М. Карамзина прочно вошло в историю русской культуры и общественной мысли как писателя, историка, журналиста, одного из основателей русского консерватизма. Он, как никто другой, по нашему мнению, выразил философские поиски русской мысли конца XVIII — начала XIX в.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 г. в селе Михайловка Симбирской губернии в семье отставного военного. Образование он получил в 1775–1781 гг. в пансионе профессора философии Московского университета И. М. Шадена, где в совершенстве овладел французским и английским языками,

изучал древние языки, а в последние два года посещал университетские лекции. Окончив пансион, Карамзин намеревался продолжить обучение в Лейпцигском университете, но по настоянию отца поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. После смерти отца в 1784 г. в чине поручика вышел в отставку и поселился в Симбирске. Там он занялся самообразованием, переводами Вольтера, вступил в масонскую ложу «Золотой венец», основанную известным масоном Н. П. Тургеневым. По его совету Карамзин переехал в Москву, вошел в круг Н. И. Новикова и одного из руководителей масонского движения А. М. Кутузова.

В Москве Карамзин становится переводчиком Типографической компании Новикова, часто бывает в его доме. Он увлекается Шекспиром, переводит его драму «Юлий Цезарь», перевод которой в период преследования Новикова был запрещен и уничтожен, и драму Лессинга «Эмилия Галотти». Новиков привлекает его к работе в журнале «Детское чтение для сердца и разума», в котором он выступает как автор статей и переводчик.

Увлечение девятнадцатилетнего Карамзина масонством несомненно, но имеет свои особенности. Как и все московские мартинисты, он ратовал за просвещение общества, изменение его без какого-либо насилия, но его тяготила форма таинственности масонских лож, необходимость подчиняться вышестоящему в посвящении руководителю. Не принимал он и мистической таинственности учения масонов. В конечном итоге он порвал с масонством, оставаясь в дружеских отношениях с его русскими идеологами. Московские же мартинисты не простили Карамзину его ухода из масонского движения.

Философские взгляды Карамзина в этот период зафиксированы в его переписке с известным философом-мистиком И. Лафатером и в переведенной и изданной им в 1786 г. поэме немецкого мистика А. Галлера «О происхождении зла». Снабдив перевод своими примечаниями, Карамзин в них утверждает, что человек живет во зле, оно его суть: «Я зрю внутренний мир [человека] и обретаю его в аду подобным» [2, 15–16]. А мир вокруг человека, наоборот, благословен, «сотворен ко счастью граждан своих» [Там же, 13]. Вполне естественно встает вопрос: как исправить зло в человеке и вокруг него? По мнению Карамзина, Бог, создав человека, наделил его свободной волей, которая и стала причиной его падения. Но воля же, считает он, может «восстановить падшего». Чтобы это произошло, человек должен стать лучше, добрее, осознать свои возможности делать добро. А для этого ему нужно помочь, просветить его всеми достижениями науки, искусства, литературы.

Проблема зла интересует Карамзина и в последующие годы. Были периоды в его творчестве, когда Карамзин пересмотрел силу и возможность просвещения победить зло. В стихотворении «Послание к Д.» он пишет:

Теперь иной я вижу свет, –
И вижу ясно, что с Платоном
Нам тьмы в умах не озарить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно [3, 22].

На рубеже XVIII–XIX вв. у Карамзина принцип борьбы со злом через активную просветительскую деятельность перестал быть приоритетным. Он призывает человека не бороться со злом, а постараться жить добродетельно, сохраняя свое достоинство: «Так, мой друг! везде есть зло; но кто в мире и любви умеет жить с собою, тот радость и любовь во всех странах найдет» [1, 14].

В мае 1789 г. Карамзин прекращает сотрудничество в «Детском чтении», продает часть доставшегося по завещанию наследства и отправляется в путешествие по Западной Европе. План путешествия он обсудил со своими масонскими наставниками С. И. Гамалеей и А. М. Кутузовым. За год и два месяца Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Англии. Отметим, что Карамзина интересовали не только исторические памятники, библиотеки, музеи этих стран, но и люди — писатели, ученые, философы, государственные деятели: в Кёнигсберге он беседовал с И. Кантом, в Женеве — с философом Ш. Бонне, в Цюрихе — с И. Лафатером, встречался с К. Виландом и И. Гердером. Все события, разговоры, впечатления и мысли он заносил в путевой журнал, который в итоге стал «Письмами русского путешественника» — знаменитым мировоззренческим документом эпохи и самого автора, о чем он написал в заключительных строках «Писем»: «...вот зеркало души моей в течение осмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если я столько проживу на свете) будет для меня еще приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал!» [6, 388].

Карамзин понимал, что «Письма» — важнейший этап самообразования, выработки взглядов на мир и его компоненты. За границей он постепенно утвердился в идее прогрессивного развития человечества, постепенной смены общественных институтов и успехов просвещения. В большом отрывке, посвященном русской истории, Карамзин высказывает несколько очень важных мыслей: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами» [Там же, 253]. Отдавая должное усилиям Петра I, он пишет: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их... для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!» [Там же, 254]. Заметим, что в своих размышлениях о прогрессе и историческом развитии общества Карамзин подчеркивал свою приверженность самодержавию, но в его идеализированной форме.

В путешествии по Европе он неизменно интересовался философией. Из философов с первым Карамзин встретился с И. Кантом, с философией которого его познакомил ученик Канта Я. Ленц. Тогда же Карамзин прочитал кантовский памфлет «Грезы духовидца, объясненные грезами метафизика» (1766) с его критикой мистицизма. Прочитал он и другие произведения Канта — «Критику чистого разума» (1781) и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (1783). А Кант, прощаясь с «русским путешественником», посоветовал ему прочитать еще

«Критику практического разума» и «Основы метафизики нравов», вышедшие к этому времени в Риге. Разговор с кёнигсбергским философом в первую очередь пошел об идеях давнего знакомого Карамзина — мистика И. Лафатера. Кант же с его неприятием сверхъестественного стоял на противоположных Лафатеру позициях. «Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции — критическую философию и мистический энтузиазм, допускающий творение чудес и общение с душами, — кёнигсбергский философ и цюрихский физиогномист принадлежали все же одной эпохе — великой эпохе немецкой культуры между Лессингом и Гегелем. Карамзин остро почувствовал не только противоположность, но и единство их как современников — людей эпохи брожения умов и философских поисков... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли» [8, 63].

Следующая, задуманная еще в Москве встреча, имеющая отношение к философии, состоялась в Цюрихе с И. Лафатером. Многие из бесед с ним касались философских проблем. Правда, Карамзин к моменту встречи с ним был хорошо знаком с идеями не только И. Канта, но и М. Ф. Вольтера, Э. Б. Кондильяка и О. Г. Мирабо, последний из которых написал небольшую работу против мистицизма Лафатера. Поэтому их работы постепенно выветрились у Карамзина увлечение мистицизмом швейцарского философа. Карамзин в момент личной встречи с Лафатером был увлечен его филантропизмом, идеей непрекращающейся деятельности. Он с удовольствием записал одну из его сентенций: «Человек может делать много если захочет; и чем более он действует, тем более находит в себе силы и охоты к действию» [6, 117], которой, как мы знаем, следовал во все годы своего творчества.

Особого разговора и исследования заслуживают парижские встречи Карамзина в разгар Французской революции, впечатления от посещения Национального собрания, общения с деятелями революции. Позже, в Москве, он осмыслит эти события и даст им свою оценку.

В 1791 г. Карамзин возвращается в Москву полный впечатлений и замыслов и уже со следующего года начинает издавать «Московский журнал», в котором в течение двух лет печатает свои «Письма русского путешественника», повести, статьи по искусству и философии. Многие из этих статей были направлены против масонов, которых он называет «странными людьми». Из философских проблем, затронутых им в «Московском журнале», его особо привлекает сквозная для философии проблема человека. Ей Карамзин дает свое толкование. По его мнению, все люди разные, каждый со своим разнообразием душевных свойств. Они по-разному стремятся к идеалу — доброте, терпимости, нравственному совершенству, по-разному относятся к недостаткам других людей. В небольшом отрывке «Из записок одного молодого россиянина» Карамзин пишет о себе: «...прочитав “Confessions”, полюбил Ж. Ж. Руссо более, нежели когда-нибудь. Кто многообразными опытами уверился, что человек всегда человек, что мы имеем только понятие о совершенстве и остаемся всегда несовершенными, — в глазах

того наитрогательная любезность в человеке есть мужественная, благородная искренность, с которую говорит он: “Я слаб!” (то есть *я человек!*). Но кто имеет надутые понятия о добродетели, о мудрости человеческой, тот обыкновенно презирает сего искреннего мужа» [3, 67].

Карамзин хорошо понимал, что каждый человек вписан в жизнь общества, исторические события, а они на фоне событий во Франции заставляют по-новому относиться к идеям Просвещения, проблеме человека. То, что эти идеи поменяли свою содержательную окраску, для Карамзина было ясно. Размышляя об этом, он пишет интересную статью «Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору», опубликованную в альманахе «Аглая» за 1795 г. [5].

В переписке друзей, один из которых Мелодор, самим Карамзиным дается такая характеристика идей Просвещения: «Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о нравственном мире, ловили в истории все благородные черты души человеческой, питали в груди своей эфирное пламя любви, которого веяние возносило нас к небесам, и, проливая сладкие слезы, восклицали: “Человек велик духом своим! Божество обитает в его сердце!” Помнишь, как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что род человеческий возвышается и, хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству... Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью, что люди, уверяясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, насладятся истинными благами жизни» [4, 189–190]. Но чаемое не осуществилось. Восемнадцатый век кончается, а «утешительная система» идеи Просвещения «разрушилась в своем основании!». Таковы последствия революционных событий, подорвавших идеи Просвещения. Иная точка зрения на эти события у Филалета. Он продолжает верить идеям Просвещения как условию исторического прогресса. Когда этих условий недостаточно, и возникают революционные волнения: «В одном просвещении найдем мы спасительное противоядие для всех бедствий человеческих! — Кто скажет мне: “Науки вредны, ибо осьмойнадесять век, ими гордившийся, ознаменуется в Книге бытия кровию и слезами”, тому скажу я: “Осьмойнадесять век не мог именовать себя просвещенным, когда он в Книге бытия ознаменуется кровию и слезами”» [Там же, 197].

В «Аглае» 1794 г. Карамзин публикует еще одну свою статью, связанную с его пониманием Просвещения, — «Нечто о науках, искусствах и просвещении». В ней автор защищает идеи Просвещения, поскольку на восемнадцатый век, век Просвещения, теперь многие пишут сатиры, «жалуются на разврат, на гибельные пороки наших времен». Науки и искусства не могут быть причинами зла социальной несправедливости, утверждает Карамзин. «Успехи их показывают, что духовная натура наша в течение времен, подобно как золото в горниле, очищается и достигает большего совершенства; показывают великое наше преимущество перед всеми иными животными, которые от начала мира живут в одном круге чувства

и мыслей, между тем как люди беспрестанно его распространяют, обогащают, обновляют» [4, 178]. Упомянув Ф. Бэкона, Р. Декарта, Э. Кондильяка, И. Ньютона и оценивая их заслуги перед наукой и философией, он утверждает: «Просвещение есть палладиум благонравия» [Там же, 186]. Это благонравие и станет условием общественного благополучия. Можно и нужно просвещать даже крестьян. «Просвещенный земледелец! — Я слышу тысячу возражений, но не слышу ни одного справедливого. Быть просвещенным есть быть здравомыслящим» [7, 187]. Пример швейцарских, английских, немецких «поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их» [Там же]. В этой статье Карамзин выступает против «Руссовых творений», в которых французский философ бранит «ученость и просвещение», а счастливое состояние людей в начале человеческой истории характеризует как «приятные сны».

Конец XVIII — начало XIX в. у Карамзина отмечены бóльшим вниманием к социальным, общегосударственным проблемам. Он приступает к изданию нового журнала «Вестник Европы», в котором продолжает пропагандировать возможности общесословного, в том числе крестьянского, просвещения, считая, что «для истинного благополучия земледельцев» необходимым условием должны быть «добрые господа и средство просвещения».

Тогда же обостряется его интерес к русской истории. В письме к Дмитриеву в 1800 г. он пишет: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором». 31 октября 1803 г. указом Александра I Карамзин получает должность историографа с содержанием в 3000 рублей. Перед ним открываются двери всех архивов страны. К 1811 г. большая часть «Истории государства Российского» была написана, и он знакомит с ней не только Александра I, но и В. А. Жуковского, С. С. Уварова, В. Л. Пушкина, К. Н. Батюшкова и многих других. Карамзин высоко оценивает мировоззренческий потенциал истории. Для него «история в некотором смысле есть священная книга народов: главное, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [Там же, 232].

По мысли историка, как мы отмечали выше, национальное переплетается с общечеловеческим. Эту свою теоретико-методологическую позицию Карамзин старался воплотить во всех 12 томах «Истории государства Российского». Труд историка представляет содержательное теоретическое и методологическое единство замысла и воплощения. В основе его — известная мысль Ш. Монтескье о том, что большое по территории и населению государство может сохранить себя долгое время только благодаря монархической форме правления. Лучшей его формой Карамзин считал самодержавие, а движущей силой исторического процесса, как подчеркивал академик А. Н. Сахаров, — государство и власть. «И весь русский исторический процесс, по Карамзину, явился по существу борьбой начал самодержавных с иными проявлениями властвования — народоправством, олигархическим или аристократическим правлением, удельными тенденциями» [9, 87]. «История» Карамзина, по его мнению, имеет ряд философски обоснованных методологических установок:

— на первый план историк выставляет любовь к Отечеству, которую понимает как обостренный интерес к истории своего народа, являющейся частью всемирной истории;

— другим важным принципом является следование правде истории, как бы горька она ни была;

— важным признавался такой принцип, как стремление постигнуть события изнутри, не с высоты веков, а увидеть их глазами современника;

— своим принципом Карамзин считал создание истории общества в целом: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность и т. д. «Этот комплексный подход к истории, пронизанный понятием единства исторического процесса, выявлением причинно-следственных связей событий, составляет сердцевину исторической концепции ученого»;

— еще одним принципом «Истории» Карамзин считал художественное изложение, что позволяет знать и чувствовать историю [9, 86–87].

В марте 1816 г. Карамзин получил от царя деньги на издание своей «Истории». После издания первых томов они начали переводиться на французский и немецкий языки, а позже — на английский, итальянский и польский.

Последним событием в жизни Карамзина было восстание декабристов, среди которых было много знакомцев и друзей. Полученное потрясение и простуда 22 мая 1826 г. свели его в могилу. Так закончился жизненный путь Николая Михайловича Карамзина, но живет его слава как выдающегося русского историка и мыслителя.

1. Аглая. Кн. 1. М., 1794.

2. Галлер А. О происхождении зла : поэма / пер. с нем. Н. Карамзина. М., 1786.

3. Карамзин Н. М. Из записок одного молодого россиянина // Московский журнал. 1792. Ч. 6, кн. 4. С. 66–69.

4. Карамзин Н. М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.

5. Карамзин Н. М. Послание к Д. // Аглая. Кн. 2. М., 1795. С. 22.

6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

7. Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Л., 1984.

8. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 10–310.

9. Сахаров А. Н. Карамзин Николай Михайлович // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 82–90.

Рукопись поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.